
Ежи В. Борейша и Россия

Pётр Глушковский

Jerzy W. Borejsza and Russia

Piotr Gluszkowski

(University of Warsaw, Poland)

DOI: 10.31857/S0869568722010125

Профессор Ежи Борейша — один из самых известных в России польских историков. Его труды по истории тоталитаризма, XIX в. (особенно восстания 1863 г.) являются классикой исторической науки, переведены на иностранные языки. Многие российские исследователи не только изучили их, но и были лично знакомы с самим учёным. Все его друзья, ученики и сотрудники знали об особом, эмоциональном отношении Борейши к России и Советскому Союзу¹. В этой статье я постараюсь показать, каким образом он познакомился с Россией и что его с ней связывало, а также остановлюсь на тех важных для российской истории научных проблемах, которыми он занимался на протяжении жизни.

Ежи Войцех Борейша родился в 1935 г. Его отец, известный интеллектуал еврейского происхождения, внёс огромный вклад в возрождение польской культуры после Второй мировой войны. Благодаря знакомству с П. Пикассо, П. Нерудой и И.Г. Эренбургом он мог вести себя относительно независимо от чиновников и помогать деятелям культуры². О масштабах его активности свидетельствуют переписка с большинством выдающихся писателей страны и тиражи созданного им издательства «Czytelnik» («Читатель»)³. В 1948 г. ему удалось организовать Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира, в котором участвовали практически все видные левые интеллигенты, среди которых Д. Хаксли, Д. Лукач, Б. Брехт и др. Независимость Борейши-старшего не нравилась многим в руководстве Польской объединённой рабочей партии (ПОРП). В 1952 г. он погиб в автомобильной катастрофе, обстоятельства которой до сих пор не выяснены⁴.

Несмотря на любовь отца к русской культуре, Борейша-младший попал в СССР случайно, даже насильно. В 1952 г. члены ЦК ПОРП Э. Охаб, Ф. Мазур и З. Новак решили отправить 17-летнего выпускника варшавского лицея в Казань, проигнорировав его протесты и желание поступить на филологический факультет столичного университета. Молодой человек уезжал из Польши убеждённый, что «Сталин является самым великим из живущих людей, а СССР — самая лучшая страна в мире. Я был пропитан пропагандой из школы, газет, книг и круга знакомых»⁵. Несмотря на то что Казанский государственный университет считался одним из лучших в Советском Союзе, семья и друзья Ежи

© 2022 г. П. Глушковский

¹ *Wolos M.* Prof. Borejsza otaczał się młodzieżą (URL: <https://dzieje.pl/edukacja/m-wolos>).

² *Krasucki E.* Międzynarodowy komunista. Jerzy Borejsza. Biografia polityczna. Warszawa, 2009. S. 157–171.

³ Na rogu Stalina i Trzech Krzyży. Listy do Jerzego Borejszy 1944–1952 / Ed. by G.P. Bąbiak. Warszawa, 2014.

⁴ *Krasucki E.* Międzynarodowy komunista... S. 238–240.

⁵ *Borejsza J.W.* Ostaniec czyli ostatni świadek historii. Warszawa, 2018. S. 134.

не сомневались в том, что это ссылка. Дети высокопоставленных чиновников обычно уезжали в Москву или Ленинград, отличавшиеся значительно лучшими условиями жизни. Обучение в столичных городах воспринималось как поощрение и давало шанс на успешную карьеру в аппарате власти. В провинциальные же города (даже «миллионники») отправлялись студенты без протекции.

Попав в Казань, молодой идеалист долго не мог свыкнуться с обстановкой, в которой ему довелось оказаться. «Бедность, бюрократия, алкоголизм и орудовавшие в городе преступники сводили на нет ту пропаганду, которой пропитали меня молодёжные организации и школьные книги варшавских времён», — вспоминал он. Шоком для него оказались как смерть Сталина, так и реакция на неё многих жителей, которые громко и с радостью говорили: «Старый подход», не обращая внимания на доносчиков⁶.

В то же время Казанский университет всегда славился выдающимися учёными, прежде всего химиками, физиками и лингвистами, в том числе польского происхождения. Программа исторического факультета, напротив, отличалась сильной идеологизированностью. Однако Борейше удалось попасть на курсы лучших преподавателей, прежде всего А.С. Шофмана, читавшего историю Древнего Рима⁷.

За прожитый в Казани год Ежи повзрослел. Он пока ещё верил в идеологию, считая, что бедная и криминализованная Казань — исключение для Советского Союза. И когда в 1953 г. удалось переехать в Москву, она показалась ему настоящей идиллией. Борейша стал студентом кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ и обитателем общежития на ул. Стромынка, 32, через которое прошли И. Пеликан, З. Млынарж, И. Лалуха, а позже и М.С. Горбачёв. В университете ему посчастливилось встретиться с группой талантливых, амбициозных студентов и выдающимися преподавателями, такими как И.М. Рейснер, П.А. Зайончковский, А.В. Адо, И.М. Белявская, С.А. Никитин и И.А. Воронков⁸. Особенно помог последний, отговоривший третьекурсника Борейшу от возвращения в Варшаву: «Если вернётесь по собственному желанию, тогда у Вас в Польше жизни не будет»⁹. Понимая, что студенту скучно в Москве, он обеспечил ему доступ к архивам. Последние университетские годы Борейша редко посещал занятия, но регулярно работал (прежде всего в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства) с уникальными документами XIX в., микрофильмы и выписки из которых хранились у него до конца жизни и не разгодились ему, его друзьям и ученикам. «Кажется, я был первым поляком, который почти сразу после 1953 года получил настолько широкий доступ к архивам XIX века», — отмечал он¹⁰. В ГА РФ хранятся письма учёного с просьбой подобрать материалы о польской эмиграции, II Интернационале и польском рабочем движении 1880—1890-х гг.¹¹ В одном из последних писем можно прочесть следующее: «Прошу переслать мой заказ (12 требований) около 1000 кадров в Варшаву на имя генерального секретаря Генриха Яблонского (для тов. Борейши Е.). Я бы просил в июле

⁶ Ibid. S. 153.

⁷ Ibid. S. 151—152.

⁸ Ibid. S. 162—164.

⁹ Ibid. S. 161.

¹⁰ Ibid. S. 163.

¹¹ ГА РФ, ф. Р-5142, оп. 8, д. 811, л. 1—122.

переслать карточку Горвица и, по возможности, письма Обрезкова по секретному архиву, необходимые мне для статьи»¹².

Как за любым иностранцем, за ним внимательно следили. В 2000 г. один из московских историков подарил ему архивный документ — характеристику, составленную на него во время обучения: «Он не коммунист. По убеждениям он шведский социал-демократ, но русофил»¹³. По мнению Борейши, эта вполне справедливая оценка позволила ему без проблем окончить МГУ. После этого он вернулся в Варшаву и поступил в аспирантуру университета, где посещал семинары Г. Яблонского, С. Кеневича и В. Кули. Его научным руководителем выступал Яблонский, но в равной степени Борейша считал учителями также Кеневича, благодаря которому овладел научным аппаратом историка XIX в., и Г. Верещицкого, убеждения и мировоззрение которого оказались ему наиболее близки¹⁴. Все эти учёные — крупные авторитеты европейской исторической науки и, без сомнения, стали прекрасными примерами для подражания.

Уже в начале 1960-х гг. Борейша считался одним из главных в мире специалистов по II Интернационалу, польской эмиграции и Парижской коммуне. Будучи аспирантом I-го курса, он начал публиковаться в престижных научных журналах Польши¹⁵. Он быстро проявил себя и как талантливый популяризатор науки, печатаясь в таких изданиях, как «Polityka», «Walka Młodych» и «Mówią Wieki». В 1963 г. молодой учёный издал свою первую книгу о польской эмиграции¹⁶. Прекрасно владея русским языком, он подрабатывал как переводчик: к годовщине начала Январского восстания 1863 г. подготовил перевод воспоминаний военного министра Д.А. Милютинина за 1863—1864 гг. К сожалению, текст задержала цензура, и он сгинул в спецхране. Однако оперативность и коммуникабельность Борейши оказались замечены мэтрами польской историографии, которые назначили его секретарём комитета по организации юбилея Январского восстания. 50 лет спустя его избрали руководителем комитета по организации празднования 150-летия восстания.

Для развития научной карьеры Борейши существенное значение имело также блестящее владение им французским, хорошее знание английского и неплохое — славянских языков. В 1960—1980-х гг. он дополнительно выучил немецкий и итальянский — в такой степени, что мог читать на этих языках по несколько лекционных пар подряд.

В 1960-е гг. историк работал в университете, и этот период явился для него очень плодотворным: научные достижения шли рука об руку с быстрой научной карьерой. В 1968 г. он защитил докторскую диссертацию, посвящённую жизни и деятельности секретаря А. Мицкевича А. Леви, биография которого долгое время оставалась загадкой для историков литературы¹⁷. Книга на эту тему дважды переиздавалась и до сих пор является одним из основных источников информации о парижском периоде жизни польского поэта.

¹² ГА РФ, ф. Р-5142, оп. 8, д. 811, л. 114.

¹³ *Borejsza J.W.* Ostatnie czyli ostatni świadek historii. S. 159.

¹⁴ *Borejsza J.W.* Wywiad z T. Siewierskim. Literatura piękna zachęciła mnie do historii // Nowe Książki. 2019. № 2. S. 5.

¹⁵ *Borejsza J.W.* Drugi Proletariat 1888—1889 i początki jego działalności // Z Pola Walki. 1958. № 2. S. 21—56.

¹⁶ *Borejsza J.W.* W kręgu wielkich wygnańców 1848—1895. Warszawa, 1963.

¹⁷ *Borejsza J.W.* Sekretarz Adama Mickiewicza. Armand Lévy i jego czasy 1827—1891. Warszawa, 1969 (II ed.: Wrocław, 1977; III ed.: Gdańsk, 2006).

1968 год, тем временем, оказался вехой в интеллектуальной истории Польши. Театральная постановка режиссёром К. Деймеком поэмы «Дзяды» Мицкевича попала под запрет цензуры. Последовавшие за этим протесты студентов и части интеллигенции послужили для властей предлогом к началу антисемитской кампании, в ходе которой из ПНР выехали тысячи граждан. Несмотря на то что из-за интенсивной работы над книгой Борейша не принимал активного участия в протестах¹⁸, гонения задел и его: зазвучали угрозы увольнения из университета. К счастью, у него нашлось много покровителей, которые не хотели чрезмерной политизации заведения. В 1970 г., благодаря влиятельному профессору А. Гейштору, он прочитал доклад о франко-прусской войне 1870–1871 гг. и Парижской коммуне на XIII международном конгрессе исторических наук, прошедшем в Москве¹⁹. Это была явная демонстрация в отношении «академической фракции карьеристов», которая показала, что «Москва» ценит научные достижения польского выпускника МГУ. Спустя год Борейшу приятно удивило предложение профессора Т. Цесляка, сделанное от имени Польской Академии наук (ПАН) – возглавить делегацию в Москву на празднование годовщины 100-летия Парижской коммуны. Заявив, что он является *persona non grata* в Варшавском университете, Борейша услышал: «Это не имеет для меня никакого значения. Я хочу, чтобы всё прошло хорошо. Только Вы знаете бегло русский и французский. Только Вы работали с французами по истории Парижской коммуны»²⁰. Таким образом, историк оказался в высоком статусе на престижной конференции, организованной АН СССР, где выступал цвет советской науки и многие влиятельные деятели во главе с П.Н. Поспеловым²¹. По всей видимости, это также помогло на несколько лет снять вопрос об увольнении.

Московские друзья хорошо понимали сложную ситуацию Борейши и многократно пытались помочь ему, показывая, что именно этот историк нужен советской науке в стенах университета. В 1974 г. А.И. Рогов и В.К. Волков запросили из Варшавы лекцию по итальянскому тоталитаризму, причём с распоряжением, чтобы приехал именно Борейша. Однако лекция, призванная усилить его позиции, не понравилась доносчикам, которые увидели в выступлении сравнение итальянского фашизма с Советским Союзом времён Л.И. Брежнева²². Профессиональные историки также заметили много аналогий, смеялись и прерывали оратора аплодисментами. Но после «итальянского доклада» уже никто не приглашал его в СССР. Последним аккордом Борейши в стенах исторического факультета стал доклад о советской агрессии против Финляндии в ноябре 1939 г.

В 1975 г. Борейшу вынудили сменить университет на Институт истории ПАН. Он очень сожалел о потере контактов со студентами, однако вскоре стал известен как один из лучших исследователей истории XIX в., особенно восстания 1863 г. и польской эмиграции в Европе. Его книги переводились на иностранные языки, среди них – биография В. Врублевского, участника восстания 1863 г., генерала Парижской коммуны и члена Польской социалистической

¹⁸ *Borejsza J. W.* Ostaniec czyli ostatni świadek historii. S. 227–229.

¹⁹ *Ibid.* S. 236.

²⁰ *Ibid.* S. 192.

²¹ *Ibid.* S. 193.

²² *Ibid.* S. 241.

партии²³. В 1970–1980-х гг. Борейшу неоднократно приглашали в качестве стипендиата в престижные академические центры: Женеву, Париж, Рим, Берлин, Мюнхен, Бонн и др. В это время он начал заниматься историей итальянского фашизма, а затем немецкого нацизма. Благодаря знанию истории и реалий СССР он легко мог проводить сравнения с советским тоталитаризмом. Приобрели известность книги о феномене итальянского фашизма, о его пропаганде и влиянии в Центральной и Юго-Восточной Европе²⁴ (вторую быстро перевели на итальянский язык²⁵).

Более известной в мире стала его работа о антиславизме А. Гитлера, в которой показано, что австриец Гитлер воспринял взгляды на славян, характерные для большинства представителей немецкого общества, только после Первой мировой войны. Утверждалось также, что, наряду с евреями, он планировал уничтожить большинство русских как своих славянских врагов № 1, а впоследствии также и поляков²⁶. Несмотря на протесты части немецких историков, Борейша опубликовал эту концепцию во многих странах²⁷ и многократно отстаивал её положения на международных конференциях. В самом сжатом виде она отражена в книге «Смешные сто миллионов славян»²⁸. Со временем историки тоталитаризма признали Борейшу одним из главных авторитетов в этой области и особенно ценили его за компаративистский подход, на основании которого он издал много статей и книг в нескольких странах²⁹. В исследованиях он проводил идею о том, что организация массовой ненависти в любой политической системе может привести к катастрофическим результатам: «Ненависть всегда является стройматериалом для авторитарных и тоталитарных государственных режимов»³⁰.

В 1990–1991 гг. Борейша преподавал (как приглашённый профессор) в Гейдельбергском университете. В 1991–1996 гг. он работал директором Польского научного центра в Париже и оказался очень успешным руководителем: Центр превратился в престижное исследовательское учреждение. За научные достижения и вклад в польско-французский диалог учёный получил Орден Почётного Легиона. Затем он преподавал в Дижонском университете (Франция), но уже тогда планировал возвращение на родину. Не забывал также и давние научные

²³ *Borejsza J.W.* Patriota bez paszportu [Biografia Walerego Wróblewskiego 1836–1908]. Warszawa, 1970 (II ed.: Warszawa, 1982; III ed.: Warszawa, 2009); Перевод: *Borejsza J.W.* Patriotas be paso. Vilnius, 1973.

²⁴ *Borejsza J.W.* Musolini był pierwszy. Warszawa, 1979 (II ed.: Warszawa, 1989); *Borejsza J.W.* Rzym a wspólnota faszystowska. O penetracji faszyzmu włoskiego w Europie Środkowej, Południowej i Wschodniej. Warszawa, 1981.

²⁵ *Borejsza J.W.* Il fascismo e l'Europa orientale. Dalla propaganda all'aggressione. Bari; Roma, 1981.

²⁶ *Borejsza J.W.* Antyslawizm Adolfa Hitlera. Warszawa, 1988.

²⁷ *Borejsza J.W.* Anti-slavism: Hitler's vision of the Germans // Polish perspectives. 1988. № 2. S. 23–39 [также изд. нем. и фр.]; *Borejsza J.W.* Unvollendete Vergangenheit // Zeitschrift für Literatur und Politik. 1988. H. 46. S. 39–52; *Borejsza J.W.* Racisme et antislavisme chez Hitler // La politique nazie d'extermination / Ed. by F. Bédarida. P., 1989. S. 57–74.

²⁸ *Borejsza J.W.* Śmieszne sto milionów Stowian... Warszawa, 2006; *Borejsza J.W.* A ridiculous hundred million Slavs: concerning Adolf Hitler's world view. Warszawa, 2017.

²⁹ *Borejsza J.W.* Schulen des Hasses. Frankfurt a/M, 1999; *Borejsza J.W.* Szkoły nienawiści. Historia faszyzmów Europejskich 1919–1945. Wrocław, 2000; *Borejsza J.W.* La escalada del odio. Movimientos y sistemas autoritarios y fascistas en Europa 1919–1945. Madrid, 2002; *Borejsza J.W.* Totalitarianism and authoritarianism in Europe: short- and long-term perspectives / Ed. by J.W. Borejsza, K. Ziemerem. N.Y.; Oxford, 2006.

³⁰ *Borejsza J.W.* Stulecie zagłady. Gdańsk; Warszawa, 2011. S. 54.

интересы, с удовольствием занимаясь историей России и Советского Союза. Он попытался перевести на польский язык и издать книгу о народниках, написанную его итальянским другом и покровителем Ф. Вентури³¹.

С 2001 по 2010 г. Борейша заведовал отделом истории тоталитарных систем Института истории ПАН. Возможно, именно это послужило ему стимулом активно заняться судьбами польских коммунистов в Коминтерне. В 2006–2011 гг. он несколько раз приезжал в Россию, работал по этой теме в РГАСПИ и других архивах, участвуя в конференциях и помогая молодым историкам в поисках документов и материалов. К сожалению, Борейше и его сотрудникам не удалось создать польско-российскую рабочую группу по изучению всего материала, касающегося истории поляков в Коминтерне, и издать тома документов «Коминтерн и Польша». Результатом работы группы стали важные монографии по этой теме³².

В XXI в. Борейша не забыл о своей любви к XIX столетию. Он продолжал поиски в российских архивах, планируя совместно с З.И. Перегудовой выяснить судьбу С. Бжозовского и ответить на вопрос, был ли он секретным сотрудником охранки? В 2007 г. он организовал крупнейшую конференцию, посвящённую годовщине Крымской войны, на которую прибыли учёные из Франции, Великобритании, Турции, Германии и, конечно, России (в том числе В.Я. Гросул, Л.Е. Горизонтов, О.В. Павленко, В.О. Бобровников). Эта война никогда не была его страстью, но он не понимал, почему никто в Европе не вспоминает об одном из важнейших событий XIX в. Результатом конференции стали две книги³³. В 2010 г. профессор предпринял новое издание своей самой известной работы об этом периоде – «Прекрасный XIX век»³⁴. Многие разделы он тогда опубликовал впервые.

В научно-сентиментальных путешествиях по России Борейша не ограничивался Москвой. Он посетил Санкт-Петербург и Казань, и эти поездки оказались для него особенно важны. В 2009 г. он предложил руководству Казанского университета создать в университетском городке улицу польских профессоров, а также поместить на главном здании мемориальную доску И.А. Бодуэну де Куртенэ на трёх языках. Первую идею ему реализовать не удалось, но вторая воплотилась в жизнь в 2011 г.³⁵ Кроме того, он прочитал в актовом зале КГУ доклад о роли поляков в жизни Казани и представил студентам книгу о польско-казанских взаимоотношениях³⁶.

Борейше не удалось организовать издание серии, посвящённой польско-российским и польско-советским связям. Он запланировал перевод лучших книг, написанных российскими авторами, на польский язык, однако найти спонсоров не получилось: несмотря на большой интерес в Польше к истории отношений с Россией, научные книги не могли принести прибыли изда-

³¹ *Venturi F.* Il populismo Russo. Torino, 1952.

³² *Wolos M.* O Piłsudskim, Dmowskim i zamachu majowym. Dyplomacja sowiecka wobec Polski w okresie kryzysu politycznego 1925–1926. Kraków, 2013.

³³ *Polacy i ziemie Polskie w dobie wojny Krymskiej* / Ed. by G.P. Bąbiak, J.W. Borejsza. Warszawa, 2008; *The Crimean War 1853–1856. Colonial skirmish or rehearsal for World War? Empires, nations, and individuals* / Ed. by J.W. Borejsza. Warszawa, 2011.

³⁴ *Borejsza J.W.* Piękny wiek XIX. Warszawa, 2010.

³⁵ Газета Казанского федерального университета (URL: http://ku.kpfu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1565:2011-11-01-12-24-36).

³⁶ *Polonia* в Казани и в Волго-Уралье в XIX–XX в. / Под ред. Р.А. Циунчука, М.М. Мягкова, П. Глушковского. Казань, 2011.

тельствам. Остаётся лишь надеяться, что в будущем найдётся государственный институт, заинтересованный в воплощении этой идеи. Тем не менее, благодаря усилиям профессора и несмотря на политическую конъюнктуру, польским читателям стали всё же доступны несколько важных российских книг, в том числе «История власти в СССР» Р.Г. Пихои³⁷.

В последнее десятилетие жизни Борейша многократно посещал Россию. Во время практически всех своих поездок он встречался со студентами, читал открытые лекции в РГГУ, РАНХиГС, посольстве Польши, трижды в Казани. От имени многих польских институтов и вузов вёл переговоры с российскими коллегами, благодаря которым заключались договоры, начинались научные проекты и даже была создана уникальная польско-российская магистерская программа двойного диплома (РГГУ – Университет Николая Коперника в Торуня). Борейше всегда доставляло радость встречаться и общаться с российскими историками. Многих из них он считал своими друзьями – Ю.Н. Афанасьева, Н.С. Лебедеву, М.М. Наринского, О.В. Павленко, З.И. Перегудову, Р.Г. Пихою, А.О. Чубарьяна и др.

В последнее время он уделял много внимания проблематике «исторической правды», часто высказывал свою позицию на конференциях и в ведущих польских газетах и журналах³⁸. Переживал, что публицисты сосредоточились на XX в., забывая, что польский менталитет формировался на протяжении многих столетий, не мог понять, почему важная публикация польско-российской группы по сложным вопросам межгосударственных отношений ограничилась только периодом 1917–2008 гг.³⁹, почему в ней не нашлось места статьям о XIX в., о поляках в Российской империи, для которых Москва, Казань или Санкт-Петербург стали второй родиной. Такое ограничение исследований он считал большой ошибкой. Резко критиковал также позицию представителей польской власти, которые считали всех коммунистов и строителей ПНР «рабами» Советского Союза⁴⁰.

Звания, степени и награды, которых удостоился Е.В. Борейша, можно перечислять долго. Мне кажется более правильным в заключение сказать о нём как о педагоге. Он воспитал десятки учеников, многие из которых (например, Е. Эйслер) входят в число самых известных историков Польши. В 2010 г. десять самых молодых учеников подарили ему том текстов, посвящённых XX в., а точнее, роли личности в тоталитарных и авторитарных системах⁴¹. Большинство учеников Борейши остались в науке; многие из них профессионально занимаются историей России и Советского Союза.

В первые дни после смерти профессора многократно цитировался фрагмент его «Воспоминаний»: «Быть может, я и удостоюсь траурного извещения при входе в Институт истории Польской академии наук на Рыночной площади Старого города в Варшаве. Я не создал никакого эпохального труда. Я не принадлежал ни к какому кружку историков. Часто был индивидуалистом, аут-

³⁷ *Pichoja R.* Historia władzy w Związku Radzieckim 1945–1991. Warszawa, 2011.

³⁸ *Wolosz M.* «Niespełniony pisarz, który został historykiem». Jerzy Wojciech Borejsza (22 sierpnia 1935–28 lipca 2019) // *Dzieje Najnowsze. Rocznik LIII.* 2021. № 1. С. 238.

³⁹ Белые пятна – чёрные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М., 2010.

⁴⁰ *Borejsza J.W.* Lustracja towarzysza Mandarynki // *Gazeta Wyborcza.* 2016. 14 мая.

⁴¹ *Trudny wiek XX. Jednostka, system, epoka* / Ed. by G.P. Bąbiak, J. Nalewajko-Kulikow. Warszawa, 2010.

сайдером... Как профессиональный историк после 1970 г. я занялся фашизмом, потому что его изучение показывало, насколько родственной ему является вся система советского блока, решительным противником которого я был, и как мало общего у неё было с социалистическими и коммунистическими утопиями... Итоги мои таковы: воссоздание крупных фрагментов европейского “прекрасного XIX века”, а также биографии двух фигур второго или третьего плана... Ещё, возможно, кое-кто заметит, что я несколько обогатил знание о европейских тоталитарных режимах, о несостоявшемся фашистском интернационале (“Рим и фашистское содружество”), а в польский исторический словарь ввёл такие понятия, как “прекрасный девятнадцатый век” и “антиславизм Адольфа Гитлера”, и что всегда очень плохо реагировал на использование словосочетания “историческая политика” вместо “исторической правды”. Достаточно заглянуть в мою книгу “Столетие уничтожения”. Как историк я упрямо утверждаю, что это понятие ожидающей нас катастрофы мы вынуждены распространить и на XXI век. Увы»⁴². «Воспоминания» вышли в конце 2018 г., когда их автор чувствовал себя вполне здоровым. У него было много научных планов. Несмотря на болезнь, за несколько недель до смерти он составил план своей следующей книги: «Станислав Мендельсон и конец Европы» о ключевой фигуре социалистического движения XIX в. Борейша собрал также материал для книги «Приходит новый порядок» о деятельности фашистских интернационалов на протяжении целого столетия⁴³.

Е.В. Борейша был связан с многими зарубежными странами, но ни одна не повлияла на него так сильно, как Россия. Его «Воспоминания» — важный источник по истории Советского Союза, а его студенческие наблюдения актуальны до сих пор. Большинство трудов Борейши хорошо показывают, насколько сильно история России связана с историей Польши и Западной Европы. Очень жаль, что они практически не переведены на русский язык, и хочу выразить надежду, что скоро это положение изменится.

⁴² *Borejsza J. W.* Ostatnie czyli ostatni świadek historii. S. 527–529.

⁴³ *Borejsza J. W.* Wywiad z T. Siewierskim... S. 8.